

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-88-107>

Научная статья / Research article

«Обратная сторона» петровских реформ

Т.В. Черникова

Московский государственный институт международных отношений (Университет)
МИД Российской Федерации, 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76,
tchernikova1961@mail.ru

Аннотация: Рассмотрен вопрос о «революционности» преобразований Петра I. В центре внимания автора находятся два вопроса: насколько изменился присущий Московскому государству XV–XVII вв. социокультурный вотчинный уклад под воздействием реформ Петра I и какую роль играли в петровское время произвол, взятки, казнокрадство и другие проявления коррупции. В статье рассмотрены наиболее значимые для социального статуса различных русских сословий преобразования первого русского императора: введение подушной подати и расширение в свете этого крепостного права вглубь и вширь за счет появления новых категорий крепостных крестьян, превращения черносошных крестьян в крепостных государства; интенсификация дворянской службы и сокращение землевладельческих привилегий дворянства по указу о единонаследии 1714 г. Автор приходит к выводу о том, что социальная политика Петра I не вела к разрушению социокультурного вотчинного уклада, свойственного Московскому государству в XV–XVII вв. Более того, вотчинный уклад в царствование Петра I достиг своего исторического апогея, что было одним из главных причин успешного внедрения в русскую жизнь разнообразных начинаний царя, встречающих значительное недовольство. Анализируя европеизацию (вестернизацию) в петровскую эпоху, автор приходит к выводу, что глубинный смысл, работающий на внутреннюю модернизацию страны, имели только начинания в области науки, высокого искусства и светского образования для шляхетского сословия. В остальном петровская европеизация была поверхностным подражанием. Затронут также вопрос о такой ментальной категории русского сознания, как «воля». Показана связь, казалось бы, противоположных явлений – народного стремления к воле и произвола служилых людей. В статье изучается коррупция петровского времени, которая рассматривается как одна из системообразующих основ во взаимоотношениях царской власти и социально-политической элиты, допускаемой как средство поддержания лояльности элиты, и способы манипулирования ею.

Ключевые слова: Петр I, Петр Великий, вотчинный социокультурный уклад, европеизация России, воля, произвол, коррупция

Для цитирования: Черникова Т.В. «Обратная сторона» петровский реформ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 1. С. 88–107. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-88-107>

The “Flip Side” of Peter the Great’s Reforms

Tatiana V. Chernikova

Moscow State Institute of International Relations, 76, Vernadsky Prospekt, Moscow, 119454, Russia,
tchernikova1961@mail.ru

Abstract: Under discussion the question if Peter the Great’s reforms were truly revolutionary. The author focuses on two aspects: the extent to which his innovations altered the patrimonial system that had dominated Muscovy over the previous three centuries, and the role arbitrariness, bribery, embezzlement and other kinds of corruption played during his reign. She examines the first Russian emperor’s

changes that most affected Russia's various estates, including the introduction of a poll tax, the conversion of peasants on state lands into state serfs, as well as the intensification of the nobility's service obligations and the reduction of its privileges. The author concludes that Peter not only did not destroy Muscovy's traditional patrimonial system, but intensified it and even used it to impose his reforms on a reluctant population. Meanwhile, although the emperor's initiatives in the sciences, arts and secular education were important, they only affected the upper class. In other respects, Peter's efforts to westernize his realm were only superficial. The author also considers how Russians regarded the notion of "freedom." She argues that there is a connection between seemingly opposite phenomena – the popular desire for freedom and arbitrariness of the service nobility. The author pays particular attention to corruption, which she considers to have had a major impact on the government's relationship with the elite, and was tolerated both to maintain the latter's loyalty but also to manipulate it.

Keywords: Peter I, Peter the Great, sociocultural patrimonial structure, Europeanization of Russia, freedom, arbitrariness, corruption

For citation: Chernikova, Tatiana V. "The 'Flip Side' of Peter the Great's Reform." *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 1 (February 2021): 88–107 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-88-107>

Введение

Позитивные стороны петровских преобразований достаточно изучены в отечественной историографии. Так, по вопросу пользы для России превращения ее в великую европейскую державу вследствие итогов Северной войны солидаризуются не только апологеты Петра I, но и его решительные критики, начиная с публицистов-славянофилов и кончая профессиональными историками, склонными к доказательству противоречивых итогов петровской политики. Также в большинстве своем исследователи солидарны в том, что преобразования первого русского императора означали настоящий переворот во внутренней общественно-политической жизни России. Известный историк конца XIX – начала XX в. А.А. Кизеветтер писал: «Видели грандиозный исторический катаклизм, который за раз и подвел окончательные счета старой "московской" истории и могущественно предопределил весь дальнейший ход нашей экономической жизни?»¹. Историки XX в. задавали вопрос: можно ли вслед за С.М. Соловьевым называть Петра I «революционером на троне»²?

Мы безусловно согласны с тезисом о пользе для России роста ее геополитического могущества, но вопрос о «революционности» преобразований Петра I требует более детального изучения. Кроме хорошо видимой новаторской части петровских реформ у этих преобразований была и, так сказать, «обратная сторона». Она была связана, во-первых, с совсем «непереворотным» воздействием реформ на суть прежнего вотчинного уклада социокультурной системы России. Во-вторых, в эпоху Петра явно возросли в сравнении с московским периодом масштабы коррупции во всех эшелонах власти, а главное, коррупция была включена в систему взаимоотношения высшей государственной власти с политической элитой России, что, естественно, не может быть оценено положительно.

Задачами статьи будет выяснения вопросов о том, насколько преобразовательная деятельность Петра I в социальной области укрепила (или разрушила?) старомосковский вотчинный уклад, т.е. фактический статус государя как верховного собственника всех земель и ресурсов страны, выстраивающего отношения со всеми социальными слоями в рамках системы подданничества по принципу «государь – холопы». Также важно понять, почему произвол, казнокрадство и взятки не были истреблены карательными органами, созданными в конце XVII – начале XVIII в. в

¹ Петр Великий: pro et contra. Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб., 2003. С. 640.

² Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 326; Эйдельман Н.Я. Петровский период // «Революция сверху» в России. М., 1989. С. 68–73.

ходе преобразований Петра I. Петровские указы, материалы делопроизводства различных органов власти, записки современников предоставляют обширный материал для изучения поставленных выше вопросов.

Петровские преобразования и вотчинный уклад в России

Социальные преобразования Петра I имели парадоксальный эффект. С одной стороны, они заложили предпосылки для перехода к подлинной европеизации образа жизни и менталитета социальной элиты России. С другой, основная масса российского населения так и не вышла из средневекового и бесправного положения «холопов государевых».

Этот итог будет понятен, если вникнуть в природу петровской вестернизации, которая явилась новым этапом того процесса, который начался еще с создания единого Русского государства в княжение Ивана III и продолжался в XVI–XVII вв. Этот процесс представлял собой своеобразную поверхностную европеизацию, сутью которой являлось заимствование разнообразного военного, технического и культурного опыта модернизирующейся Европы. При этом внутри Московии государство и церковь поддерживали социокультурный барьер на пути прямого взаимодействия русского населения с западноевропейским влиянием.

Целенаправленно разрушить данный барьер попытался Лжедмитрий I, а до него – отчасти Борис Годунов. Спонтанно и переменчиво в данном направлении развивались события весь XVII в. – от Смуты до регентства царевны Софьи в начальный период царствования Ивана V и Петра I. По-настоящему самостоятельным правителем Петр стал только в 1695 г., после смерти своей матери, и сразу заявил о себе решительными военными и внешнеполитическими действиями (Азовскими походами 1695–1696 гг. и Великим посольством 1697–1698 гг.). В это время его почти детское восхищение Западной Европой, порожденное увиденным в столичной Немецкой слободе, переросло в желание сделать европеизацию России стержнем государственной политики.

Петр своей волей государя разрушил социокультурный барьер на пути общения подданных с иностранцами, что выглядело настоящей революцией. Но так ли была глубока «петровская революция»?

Заставив дворян получать светское образование дома или за границей, царь заложил базу для интеллектуальной модернизации элиты. Это было необходимо в условиях Северной войны для завершения процесса создания регулярной профессиональной армии, который был начат еще первыми Романовыми. Военные нужды также простимулировали рост национальной промышленности и внешней торговли, что отчасти способствовало появлению в экономике России тех ростков, которые могли дать старт процессу модернизации хозяйства и всего общества в будущем.

Но ломало ли это внутренний «каркас» вотчинного уклада? Несмотря на наличие прежних форм общественно-политического бытия, он как раз не претерпел кардинальной перестройки, более того, именно вотчинное служилое устройство российского государства позволяло царю Петру сравнительно легко преодолевать недовольство тяглых слоев населения, вызванное ростом налогов, государственных работ, расширением крепостничества. Старомосковские традиции служилых людей способствовали беспрепятственному увеличению интенсивности их службы при сокращении с 1714 г. землевладельческих привилегий дворян. Государство предписывало подданным форму одежды, причесок, определяло, как строить дома, чем жать рожь, каких заводить овец и т.д. Царь не стремился услышать мнения сословий, которые к тому же не имели никаких корпоративных институтов для выражения или защиты своих сословных интересов, а потому у государя не было необходимости в лавировании между различными слоями элиты. Такое положение было

естественным для государств вотчинного типа, но в корне отличалось от западноевропейских политических систем, как средневековых, так и раннего Нового времени. Чуть ниже мы покажем, что в сравнении со «старомосковскими временами» вотчинное государство Петра I усилилось, а вотчинный уклад организации жизни в целом достиг своего исторического апогея. К.С. Аксаков правильно констатировал установление Петром I «ига государства над землею»³, но, как все славянофилы, будучи склонным к идеализации старомосковской Руси и перенесению реалий земской монархии, установившейся после Смуты на короткое время 1613–1653 гг., на весь старомосковский период, не понял прямого родства петровской России с вотчинным укладом Московской Руси XV–XVII вв.

Вотчинный уклад в России в силу своей конструкции всегда имел персоналистское воплощение. Петр I был харизматичен и решителен не менее Ивана Грозного и подобно последнему был склонен к силовым решениям социально-политических конфликтов. «Начало славных дней Петра мрачили мятежи и казни», – написал А.С. Пушкин. «Казни» Петра одержали полную победу над всеми вооруженными выступлениями стрельцов, донских казаков, горожан Астрахани, башкирских повстанцев. Бегущие в леса и «спасающиеся гарями» раскольники были вытеснены из числа действующих лиц истории, способных влиять на судьбу русской нации. Остальные старообрядцы, обложенные двойными налогами или угодившие на ка торгу, «тянули» на государя более прочих православных тягловцев.

Ярче всего проступает сохранность вотчинного уклада в петровской России через анализ перемен в статусе всех русских сословий в 1695–1725 гг.

Противоречащий сути модернизации процесс расширения крепостного права вглубь и в ширь в конце царствования Петра вышел на новый рубеж. После введения в 1724 г. подушной подати крестьянство, составлявшее более 90 % населения, практически все стало крепостным. Исключением можно считать лишь немногочисленный слой однодворцев, однако они помимо тягла должны были нести регулярную военную службу. К частновладельческим крестьянам, которых появившаяся при Петре практика продажи крепостных без земли приблизила к статусу прежних холопов, прибавились новые категории крепостных в лице приписных и посессионных крестьян. Значительная часть монастырских крепостных, подобно дворцовым крестьянам, эксплуатировалась государством, т.к. Петр через возрожденный в 1701 г. Монастырский приказ, а с 1721 г. через Синод переводил значительную часть доходов церковного землевладения на государственные нужды. Бывшие черносошные крестьяне при реализации подушной реформы были не просто переименованы в государственных. Необходимость выплаты ими сверх подушного оклада в 74 коп. еще и оброка государству, приравненного к среднему размеру оброка с частновладельческих помещечьих крестьян в 40 коп., свидетельствовала о крепостном статусе государственных землепашцев. Просто их владельцем напрямую являлась казна. Никуда не делась и прежняя практика XV–XVII вв. одним расчерком пера государя-вотчинника превращать бывших черносошных, а с 1724 г. государственных крестьян в помещичьих крепостных. Многочисленные безродные птенцы гнезда Петрова составили через это новую землевладельческую знать. Например, один из них – Александр Меншиков, получивший от царя 100 тыс. крепостных, вошел наряду с родовитыми Б.П. Шереметевым и А.М. Черкасским в число самых богатых после царя частных персон.

Правда, головокружительный успех безродных любимцев, как и богатство старой знати, легко разрушались при потере доверия монарха, что происходило и при Петре и после него в эпоху дворцовых переворотов. Имения и имущество

³ *Цимбаев Н.И.* Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века). М., 1986. С. 195.

опальных, а также членов их семей, несмотря на отмену еще в 1682 г. местничества как системы коллективной ответственности родственников, конфисковывалось в казну, а неудачники кончали жизнь в ссылке или на плахе. Судьбы В.В. Голицына, М.П. Гагарина, А.Я. Нестерова, П.П. Шафирова, А.А. Курбатова, а в послепетровское время А.М. Дивиера, А.Д. Меншикова, многочисленных Долгоруковых, А.И. Остермана, Ф. Миниха, Лопухиных и многих других – тому пример.

Если же перейти от отдельных персон к дворянскому классу в целом, то при Петре его землевладельческие права сократились в сравнении с практикой и законодательством предшествующих царствований второй половины XVII в. В противовес определениям школьных учебников русская вотчина XV–XVII вв., конечно, не была безусловной собственностью своего владельца. Однако любой вотчинник мог законно распоряжаться ею, по своему усмотрению продать, подарить, заложить, разделить ее между наследниками. В случае изъятия вотчины государем без опалы он, как правило, получал в компенсацию другую вотчину или поместье. Последнее было, конечно, хуже, т.к. закон, включая Соборное уложение 1649 г., не позволял завещать, дробить, дарить, продавать, закладывать поместья. Отпущенному в отставку негодному к службе человеку оставляли на прожиток лишь часть прежнего поместья в отличие от вотчины. Также поступали в отношении вдовы служилого по отчеству и его малолетних отпрысков. Однако у сыновей дворян, когда они в 15 лет во исполнение своего сословного долга выходили на бессрочную государеву службу, было право получить свое новое поместье. К тому же во времена Алексея Михайловича и Федора Алексеевича появилась практика с согласия Разрядного и Поместного приказов, допускавшая с просьбы дворян служить с отцовского поместья, а также по согласованию с названными приказами обмениваться поместьями и даже производить между собой по обоюдному согласию обмена поместий и вотчин.

Петровский указ о единонаследии 1714 г. разрушил связь между сословной обязанностью российских служилых людей по отчеству нести пожизненно службу государю и их правом на получение землевладения (поместья, реже – вотчины). Слияние в 1714 г. поместья и вотчины в одну форму дворянского имения привело не к росту землевладельческих привилегий шляхетства, а как раз к их урезанию. Вотчинники утратили свои прежние права на свободное распоряжение вотчиной. Продажа и заклад всех дворянских имений были Петром запрещены, права наследования урезаны. Отцы могли завещать поместье и крепостных только одному наследнику, остальные дети мужского пола должны были довольствоваться денежным жалованием за службу. Причем Петр подчеркивал в своем указе, что сделано это, чтобы от службы не укрывались, а имели большее к ней хотение. Учитывая постоянное пребывание дворян в полках и гражданских учреждениях, отмену испомещения за службу, несвоевременную выплату жалования и невысокий по западным меркам его размер, конкуренцию с попавшими в число новых личных и потомственных дворян по Табели о рангах 1722 г. выходцах из «подлых» сословий, положение российских служилых людей по отчеству вряд ли можно считать улучшившимся.

Усиление служебных обязанностей дворян на фоне усилившегося вмешательства верховной власти в их землевладельческие привилегии, падение социального статуса всех категорий крестьянства, привлечение к исполнению обязательных государственных служб купцов и посадских людей при постоянном росте прямых и косвенных налогов на них приводит к мысли, что понятие «закрепощения всех сословий», введенное в научный оборот в XIX в., как нельзя лучше характеризует общественно-политические итоги социальных реформ Петра I.

Это даже отдаленно не напоминало ведущую тенденцию социально-политической жизни Запада, где наблюдался неуклонный распад старой сословной структуры, а поднимающаяся из третьего сословия буржуазия, чьи интересы, преимуществен-

но экономические, неплохо защищала верховная власть, вместе с дворянством шпаги и мантии стала частью социальной опоры монархий. Западноевропейский абсолютизм, многие институты которого и внешний облик так успешно копировал Петр, в социальной природе своей был совершенно не похож на петровское самодержавие. Абсолютизм Петра опирался на его право государя быть верховным собственником земли и всех ресурсов, в то время как абсолютизм западноевропейский происходил из постоянного лавирования монарха между интересами первого и второго сословий и поднимающейся буржуазии. Так что знаменитая фраза, приписываемая французскому «королю-солнцу» Людовику XIV: «государство – это я», куда лучше подходит российскому царю Петру I.

Сам Петр чувствовал, что его методы правления отличаются от европейских, и объяснял это природой своих подданных. Современники приписывали царю следующее высказывание: «С другими европейскими народами можно достигать цели человеколюбивыми методами, а с русскими не так: если б не употреблял строгости, то уже давно не владел бы русским государством и не сделал бы его таким, какое оно теперь. Я имею дело не с людьми, а с животными, которых хочу переделать в людей»⁴.

Диссонанс между «европейскими» стремлениями и «неевропейскими» методами Петра требует анализа целеполагания Петра в ходе его преобразований.

Противоречия идеологических установок Петра I

Курс на «закрепощение всех сословий» стал приводным ремнем для достижения военных и внешнеполитических целей правительства. При этом идеологическое оформление преобразований всегда имело вестернизаторскую риторику, что резко отличало его от внешней формы прежней государственной идеологии.

В сознании Петра диалектически слились два противоположных начала. С одной стороны, интуитивно усвоенное им право государя-вотчинника самому определять национальные интересы страны и отказывать обществу в праве иметь иные интересы, кроме служения верховной власти. С другой стороны, в идейной парадигме Петра после возвращения из Великого посольства присутствовала западноевропейская идея о государстве как инструменте, призванном осуществить высший идеал общественного блага. Первое присутствовало как средневековая религиозно-идеологическая ментальная аксиома, второе было следствием напряженной работы рациональной составляющей сознания монарха.

В идеологии европейского Просвещения абсолютный монарх представлялся главным слугой Отечества. Именно в этой роли являет себя Петр в речи перед армией накануне Полтавской битвы 27 июня 1709 г.: «Ведала бо российское воинство, что оной час пришел, который всего Отечества состояние положил на руках их: или пропасть весьма, или в лучший вид отродиться России. И не помышляли бы вооруженных и поставленных себе быти за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за народ всероссийский. А о Петре ведали бы известно, что ему житие свое недорого, только бы жила Россия и российское благочестие, слава и благосостояние»⁵. Возможно, прав Е.В. Анисимов, предположивший, что приведенные выше слова не были сказаны Петром непосредственно перед участниками Полтавской битвы⁶. По крайней мере в «Журнале или Поденной записке» на страницах, где описано участие царя в Полтавском сражении, никакая речь не значится⁷. Скорее

⁴ Петр I в его изречениях. Репринт с издания 1910 г. М., 1994. С. 111.

⁵ Павленко Н.И. Петр Первый и его время. М., 1983. С. 67.

⁶ Анисимов Е.В. Миф Великой Виктории: Полтава в русском сознании и коллективной памяти // Родина. 2009. № 7. С. 50–55.

⁷ Журнал или Поденная записка, блаженные и вечнодостоинныя памяти государя императора Петра Великаго с 1698 года, даже до заключения Нейштатскаго мира. СПб., 1770–1772. С. 210–215.

всего, текст речи появился впервые в истории России, доведенной до 1709 г.⁸, которую, как полагают, составил Феофан Прокопович. Этот профессор Киевской духовной академии привлек внимание Петра своим блистательным панегириком в честь Полтавской победы, и впоследствии Прокопович стал главным пропагандистом государственных начинаний царя.

Но сам момент рождения данной речи и ее авторства не так важны. Важно, что государственная идеология первой четверти XVIII в. декларировала именно такое понимание монархом своего долга. Именно в таком ракурсе выстраивалось описание деятельности царя первой русской печатной газетой «Ведомости», в таком духе выдерживалась риторика петровских указов и сам царь неустанно напоминал подданным, что считает себя первым слугой государства. Выдающиеся сподвижники Петра I и большинство публицистов разделяли подобный заимствованный у европейского Просвещения взгляд. Через идейный пафос панегириков и публицистики Феофана Прокоповича, труда П.П. Шафирова о причинах Северной войны⁹, двух петровских изданий «Марсовой книги», в гравюрах и текстах, прославлявших подвиги российского воинства на полях Северной войны, постулаты, сформулированные в «полтавской речи Петра», стали маяком официального нравственного и идейного целеполагания внутренней и внешней политики европеизированной России. Дальнейшую канонизацию такого понимания как единственно верную провели историки петровской эпохи второй половины XVIII в. – И.И. Голиков и П.Н. Крешкин.

Субъективное стремление Петра следовать просвещенческому пониманию своего гражданского долга сопровождало царя всю его сознательную жизнь (за исключением двух эпизодов малодушия¹⁰). В готовности Петра к самопожертвованию во имя государственных интересов не сомневались ни его современники, оставившие мемуары, ни потомки. Для режима русской просвещенной монархии, как ее понимала Екатерина II, действия Петра стали ориентиром, что символически было выражено в установленном по ее приказу Медном всаднике со много говорящей надписью на пьедестале: «Петру Первому Екатерина Вторая». Не меньшее впечатление фигура царя-реформатора произвела на «некоронованного короля» просвещенной Европы Вольтера. В своей истории царствования Петра I знаменитый просветитель представил российского императора чуть ли не идеалом прогрессивного европейского правителя, который как первый слуга Отечества стоял выше своего противника Карла XII, призвавшего шведов перед началом Полтавской битвы поминуть о своей славе лучшей армии Европы.

Однако ментальное наследие вотчинного уклада не дало русскому царю Петру Алексеевичу понять вторую сторону европейской идеи просвещенной абсолютной монархии, где общество есть равноправный партнер государства. Наследие московской средневековой государственной традиции с ее социальным институтом подданчества, порождающим инфантильность сословий, неспособность их к внутренней консолидации и самостоятельным общественно-значимым действиям, представления о патернализме как идеальном политическом режиме, побуждали Петра как «отца Отечества» видеть в шляхетстве и прочих сословиях лишь слуг, долг которых, как и у прежних «холопов государевых», в безропотном повиновении. Не случайно

⁸ Болтин И.Н., Львов Н.А. Подробная летопись от начала России до Полтавской Баталии. СПб., 1779.

⁹ Шафиров П.П. Рассуждение, какие законные причины его Царское Величество Петр Первый, царь и повелитель всероссийский... к начатию войны против короля Карола 12, шведского 1700 году имел... СПб., 1717.

¹⁰ Речь идет о бегстве в Троице-Сергиев монастырь по получении 8 августа 1689 г. ложного слуха о движении войск Софьи на Преображенское и оставлении в ноябре 1700 г. армии под Нарвой на произвол судьбы при известии о высадке шведского десанта.

идеалом правителя для Петра I был не какой-нибудь просвещенный монарх Европы, а «родной» Иван Грозный.

Характерен в этом плане эпизод, описанный в «Дневнике» Ф.В. Берхгольца, сына голштинца, генерала русской службы. Сам Берхголец много прожил в России, в 1721 г. вернулся сюда, будучи камер-юнкером у голштинского герцога Карла Фридриха, жениха старшей дочери Петра I Анны. В январе 1722 г. Петр прибыл в Москву, где праздновали триумф по случаю Ништадского мира. Карл Фридрих построил арку, украшенную портретами Ивана Грозного с надписью «Incipit» (*начал*) и Петра I с надписью «Perfecit» (*усовершенствовал*). Петру аналогия понравилась и он сказал: «Этот Государь (указав на царя Ивана Васильевича) – мой предшественник и пример. Я всегда принимал его за образец в храбрости; но не мог еще с ним сравняться. Только глупцы, которые не знают обстоятельств его времени, свойств его народа и великих его заслуг, называют его тираном»¹¹.

Трудно здесь не вспомнить и вывод-афоризм В.О. Ключевского, который писал: «Реформа Петра была борьбой деспотизма с народом, с его косностью. Он надеялся грозой власти вызвать самодеятельность в поработанном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку, народное просвещение как необходимое условие общественной самодеятельности, хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно. Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства – это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времени Петра два века и доселе неразрешенная»¹².

Правда, по нашему мнению, «совместное действие деспотизма и свободы» скорее характеризует эпохи Екатерины II и Александра I, нежели время Петра I, где трудно найти свободу какого-либо сословия или частного лица, за исключением самого царя. В лексике петровских законов редко встречается понятие «общественное благо», но его аналогом служит часто употребляемое словосочетание «добрый порядок». То, что подданные плохо его соблюдают или вообще норовят нарушать, Петр объяснял тем, что «...обычай есть, – проклятым ябедникам все указы своими вымыслами портить»¹³.

В помыслах Петра и в практике его действий война являлась главным средством обеспечения «государственного блага». Подобный взгляд был своего рода политической догмой всех правителей, начиная от властителей Древнего мира и кончая просвещенными монархами Европы XVII–XVIII вв. Европейская элита раннего Нового времени вполне разделяла этот взгляд, отдавая приоритет военной службе и выработав четкие представления о нравственном долге мужчин как прежде всего воинов. Современной и совершенно европейской для XVIII столетия являлась и главная политическая мечта Петра I видеть Россию в «клубе великих держав».

При этом одержимость Петра войной опиралась не только на любезные ему европейские представления, но и на особенности становления Московской Руси как единого и независимого государства. Без наличия к середине XV–XVI вв. идущего снизу от общества необходимого социально-экономического фундамента для централизации страны военное принуждение к единству со стороны верховной власти перед лицом явных, а порой и выдуманных внешних врагов явилось главным инструментом конструирования Российского царства. Реальная бедность Московии компенсировалась быстрым ростом страны вширь, количественным прибавлением ресурсов и тяглов, что позволяло монарху-вотчиннику концентрировать в своей руке все большие

¹¹ Анисимов Е.В. Петр Великий личность и реформа. СПб., 2009. С. 11.

¹² Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1989. С. 203.

¹³ Гилленкрок А. Современные сказания о походе Карла XII в Россию // Военный журнал. 1844. № 6. С. 69–70.

доходы, которые, в свою очередь, выливались в рост военной силы. Она обеспечивала российскую колонизацию в восточном направлении и позволяла сохранять конкурентоспособность России перед лицом более развитых западных соседей.

Петр, как и прежние старомосковские монархи, воспринимал рост территории России в качестве главного инструмента обеспечения «пользы и прибытка общего». В речи, произнесенной 22 октября 1721 г. по случаю заключения Ништадтского договора, он говорил, что «...надлежит трудиться о пользе и прибытке общем, который Бог нам перед очи кладет как внутрь, так и вне, отчего облегчен будет народ»¹⁴.

Петр и незавершенность процесса модернизации в России

Другое дело, что, как видно с высоты XXI в., национальные интересы России состояли не в превращении ее в великую европейскую державу за счет роста военного и внешнеполитического могущества, а в модернизации страны, преодоления ее средневековой в сравнение с западноевропейскими странами социокультурной отсталости. Эта задача петровским временем решена не была, а спровоцированный военными потребностями процесс породил новые суррогатные формы европеизации, мешавшие развитию глубинных модернизационных тенденций, особенно в вопросе состыковки государственного понимания «общего блага» с реальными интересами различных сословий.

Предпосылки для подлинной модернизации петровская политика создала лишь в области перенесения на русскую почву западноевропейских науки, архитектуры и изобразительного искусства, в создании системы светского образования. Однако все это коснулось лишь образа жизни шляхетского сословия и частично верхов городского населения. В итоге возник мучительный раскол средневекового российского большинства с российской элитой, интеллектуально и ментально идущей уже в Новое время. Этот глубокий социокультурный разлад внутри российского общества славянофилы неправильно восприняли как противоречие «истинно русского народного» с «чужим, западным», усвоенным дворянской верхушкой.

Незавершенность модернизации всех сфер российской жизни станет в дальнейшем (вплоть до современной России, вступившей вместе с остальным человечеством в эпоху постмодерна), хронической болезнью (или особенностью) русской социокультурной системы. Усиление крепостного права при Петре I стало одним из главных механизмов консервации не только средневековых форм хозяйства и структуры общества, но и иррациональных форм мышления подавляющей части населения.

Средневековые ментальные пережитки сохранялись и в сознании элиты. Одной из таких ментальных средневековых констант, роднящих стереотипы сознания и дворян и простолюдины, была тяга к воле. Мечта о воле была антиподом подданнического чувства необходимости подчинения верховной власти, хотя провоцировалась она и одновременно загонялась в подсознание именно прессингом власти. Воля для бесправного простолюдина – это уход от всех обязанностей: по отношению к государству, обществу, семье, законам, морали и даже в какой-то степени вере, ибо дает возможность игнорировать нагорную проповедь Христа и страх наказания за смертные грехи. Стремление к воле толкало наиболее отчаянных и отчаявшихся простолюдинов к татьбе и разбою. Прелестные письма вождя крестьянского восстания Кондратия Булавина призывали «чернь», казачью «голытьбу», «атаманов-молодцов, дорожных охотников, воров и разбойников... с ним погулять по чисту полю, красно походить, сладко попить да поесть, на добрых конях поездить»¹⁵. Народный бунт был высшим проявлением жажды воли. Именно это и делало его

¹⁴ Павленко Н.И. История Петра Великого. М., 2006. С. 477.

¹⁵ Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Национализм и европеизм. М., 1995. С. 179.

«бессмысленным» по результатам для общества и «беспощадным» к тем, кого считали губителями воли.

При этом народная память возвеличивала тех, кто в наибольшей степени приблизился к воле. И нет ничего удивительного, что в фольклоре среди таких счастливых не только атаманы-разбойники (от мифического Кудеяра до реальных Стеньки Разина и Пугача), но также и волевые цари! Иван IV – не «Ужасный» (как переводили его прозвание западные иностранцы) – он Иван Грозный, а царь Петр – не Антихрист из старообрядческих сказаний, он – Петр Великий, во многом именно в силу того, что произвол над подданными и того и другого государя был явно выше прочих русских правителей.

Слова «произвол» и «воля» неслучайно однокоренные слова. Элита, наделенная государем частью власти над «подлыми людьми», также стремилась по своей воле выйти за рамки дозволенного официальным законом. Желание народом воли и произвол «начальников» вытекали из одного ментального источника. Нет поэтому ничего удивительного, что «птенцы гнезда петрова», поднятые из простонародья, часто превосходили в произволе по отношению к прежним своим социальным братьям родовитых господ.

Стоит ли указывать, что рожденное модернизацией западноевропейское понятие свободы как совокупности прав и обязанностей в рамках гражданского общества совершенно не совпадает с тягой русского человека к воле.

Коррупция как часть управленческой системы

С петровским временем связано много историй о произволе и попытках царя бороться с этим. Одна из них рассказывает, как однажды в Сенате, слушая дела о казнокрадстве, Петр приказал генерал-прокурору Павлу Ягужинскому писать указ: кто украдет государственных средств, достаточных для покупки веревки, будет повешен. «Всемиловитейший государь, – заметил на это с улыбкой Ягужинский, – неужели вы хотите остаться императором один, без служителей и подданных? Мы все ворует, с тем только различием, что один ворует более и приметнее, нежели другой». Эти так кстати сказанные слова произвели свое действие: государь расмеялся и не сказал более ни слова»¹⁶.

Указ не состоялся. Да и была ли в нем нужда? Артикул Воинский уже в 1715 г. систематизировал уголовное право, введя суровые наказания за казнокрадство, взятки и произвол военных и прочих чинов. А всего с 1689 по 1725 гг. на эту тему было издано 392 указа, что свидетельствует не столько о борьбе с коррупцией, сколько о безуспешности попыток ее пресечь.

О казнокрадстве и взятках постоянно сообщают иностранные резиденты. Например, Вебер, брауншвейгский посол, писал своему правительству «со слов сведущего русского», что из 100 руб. податей лишь 30 поступают в казну, «остальные чиновники делят между собою за труды... и хотя повелением его величества многие из них искореняются, но чиновники с изумительной быстротой приискивают новые»¹⁷.

До 1710 г. практически не возбуждалось громких дел о служебных злоупотреблениях и казнокрадстве. Однако в 1711 г. наметилась новая тенденция. Указом от 22 февраля 1711 г. Петр учреждает ведомство фискалов. Что было причиной? Исследовавший этот вопрос современный историк Д.О. Серов пишет: «Возможно лишь предположить, что на решение царя создать фискальскую службу могли повлиять его опасения за уровень налоговой платежеспособности населения (от которого слишком за-

¹⁶ Анекдоты и предания о Петре Великом (По Голикову и др.) СПб., 1806. URL: <https://coollib.com/b/351943/read>.

¹⁷ Павленко Н.И. История Петра Великого... С. 490.

висела боеспособность действующей армии). Между тем достигшие значительных размеров неуказные сборы и взятки чиновников на местах (вовсе не слышать о которых Петр I не мог) грозили эту платежеспособность вконец расстроить»¹⁸.

Фискальское ведомство, подчиненное Сенату, формально вначале возглавлялось бывшим учителем Петра I, добродушным и недалеким Н.М. Зотовым. На деле главой службы в 1711–1715 гг. стал обер-фискал М.В. Желябужский, которому были подчинены провинциал-фискалы (24 человека), а тем – городовые фискалы. В Москве действовало четыре провинциал-фискала. При Желябужском в Петербурге находилось два провинциал-фискала – А.Я. Нестеров и С.Н. Шепелев. По данным Д.О. Серова, к весне 1713 г. в фискалах помимо новой столицы числилось 153 человека¹⁹. Огромный штат по тем временам, больше, чем у двух органов политического сыска вместе взятых – Преображенского приказа и возникшей в связи с делом царевича Алексея в 1718 г. Тайной канцелярией. В конце петровского – начале екатерининского царствований в России действовало уже 233 фискала, причем все их «ипостаси» указом от 23 ноября 1724 г. были возведены в чины, равносильные военным чинам от поручика до генерал-майора²⁰. В 1711 г. перед фискалами поставили задачу смотреть, чтобы «преступлений не было указам». Конкретизировали компетенции фискалов указом от 17 марта 1714 г., где «помимо общего надзора, законодатель возложил на фискальские органы полномочия возбуждать уголовные дела и собирать по ним доказательства, а также выступать с обвинением в суде от имени государства»²¹. Высшей судебной инстанцией выступал Сенат, низшими – прочие административные органы. Это было курьезно, т. к. в случае, например, преступлений сенаторов их же коллеги и должны были выносить вердикты.

В 1712–1713 гг. фискалы завели множество дел. Только от московских фискалов за июль – октябрь 1713 г. в Сенат поступило 107 дел. Доносили на управленцев разных должностей – от низших чинов провинциальных канцелярий до высокопоставленных особ (так, по «подрядной афере» (поставка ружей в армию) проходили фаворит царя А.Д. Меншиков, сенаторы В.А. Апухтин и Г. И. Волконский).

Петр отреагировал на фискальское рвение выпуском ряда грозных законов. Указ от 23 октября 1713 г. разрешал подданным сообщать о казнокрадстве, взяточничестве и неуказном произволе прямо царю. За правый донос доносителю полагалась половина конфискованного имущества преступника или половина наложенного на него штрафа. Жестокими казнями грозил казнокрадам и взяточникам указ от 24 декабря 1714 г. Но на практике быстро наказывали и часто казнили лишь низших и средних чинов, а большинство дел статусных сановников «зависали». Сенат уклонялся от принятия решений по множеству возбужденных фискалами дел. «...По их фискальским доношениям... чинитца медление... А которые люди по оным их фискальским доношениям достойны бо суть возваны быти на суд, и таким продолжением чинитца им лгота»²², – читаем в донесении московского провинциал-фискала А.П. Ляпина.

К 1714–1715 гг. репутация самого института фискалов стала противоречивой. Фискалов ненавидели, часто справедливо из-за ложных доносов, за которые они не несли ответственности. Фискалы не имели жалования и жили лишь отчислениями с имущества или штрафов с преступников. Местоблюститель патриаршего престола С. Яворский с церковной кафедры однажды осудил фискальский произвол, за что получил от царя

¹⁸ Серов Д.О. Фискальная служба и прокуратура России первой трети XVIII в. Екатеринбург, 2010. С. 22.

¹⁹ Там же.

²⁰ Кириллов И.К. Цветущее состояние всероссийского государства. М., 1977. С. 338.

²¹ Серов Д.О. Фискальная служба и прокуратура России первой трети XVIII в. Екатеринбург, 2010. С. 24.

²² Там же. С. 25.

нагоняй. Но в 1714 г. появился царский указ, наказывающий фискала за ложный донос тем же штрафом, который мог быть наложен на напрасно оговоренных. Но если ложно было сказано по ошибке, без умыслу, то этот указ освобождал фискала от наказания.

Самым опасным считали провинциал-фискала А.Я. Нестерова, фанатика своего дела. Этот уже не молодой выходец из «подлого сословия» служил рьяно, чем и заработал похвалы Петра I. Нестеров не страшился вельмож. Доносил он и на главу военного ведомства, сенатора известного своей принципиальностью петровского любимца князя Я.Ф. Долгорукова, и на его брата Григория. У первого открылись манипуляции доходами с не принадлежавших ему земель, незаконные доходы при поставке ружей в армию и незаконная торговля клеєм. Григорий Долгоруков скрывал дезертиров, заставляя их работать на себя. Однако заслуги Долгоруковых на государственной службе заставили Петра закрыть глаза на их проступки. В 1714 г. А.Я. Нестеров представил также доказательства вины своих коллег. Многих фискалов он обвинил в отсутствии деятельной службы. Нестеров доносил, что штрафы, которые он на этих «тунеядцев» налагал, отменял Желябужский по корпоративным шляхетским соображениям, а случаи вымогательства и казнокрадства были и за самим Желябужским. Нестеров добился увольнения собственного начальника – оберфискала Желябужского и назначения себя на эту должность.

Вскоре открыли 20 крупных дел. Под следствием оказались видные сановники, включая сенатора Г.И. Волконского (скрывал дезертиров), «первостатейного купца» в столицах М.Г. Евреинова с сыном (с дозволения сибирского губернатора Гагарина вели незаконную торговлю в Сибири табаком), астраханского губернатора А.П. Волинского (взял у купцов на государственные нужды 20 000 руб. и присвоил себе), сибирского губернатора князя М.П. Гагарина с племянниками. Явились подозрения в огромном казнокрадстве и произволе светлейшего князя Меншикова, и царь приказал Нестерову собирать доказательства вины своего любимца. Но Нестеров, с которым заносчивый Меншиков всегда держался уважительно, решался доносить на светлейшего князя, лишь когда видел признаки охлаждения к нему Петра I.

Тем временем царь, видя нелогичность жалоб на сенаторов, делает перестановки в фискальско-судебной системе. Суды по делам, заявленным фискалами, изымаются из Сената и прочих административных органов и передаются в создаваемые «майорские канцелярии», в которые царь отряжает лично знакомых ему гвардейских офицеров. Сопряжение военной службы с судебскими функциями неподготовленных к судебскому ремеслу военных было, конечно, вне всякой логики и принципов построения европейского регулярного суда Нового времени. Зато было совершенно в духе служебных традиций старомосковского вотчинного государства, не знавшего разделения между военной, судебской и прочими видами службы. А главное, не доверяя полностью ни сенаторам, ни фискалам, царь экспериментировал, надеясь найти в главах «майорских канцелярий» то «око государево», через которое он лично будет в курсе всего негатива и сам будет решать, кого миловать, а кого казнить, просто передавая свои вердикты главам «майорских канцелярий». На проверку судебная волокита не уменьшилась, а основная масса высокопоставленных обвиняемых отдалась испугом, начислением «начетов» (сумм, которые надо было вернуть в казну в течение нескольких лет). Из видных особ единицы были выдраны кнутом или отстранены от должности. Меншикова, по легендам, царь лично бил дубинкой, грозил, что кончит тот веревкой, а по документам, на светлейшего начисляли крупные «начеты», которые тот так до конца и не выплатил.

Меншиков находился под следствием с 1713 по 1725 гг. Выяснилось, что он оформлял подряды на подставных лиц на поставку хлеба в армию, при этом завышал цену, по которой казна оплачивала его подряды. Сначала в 1710 г. доход светлейшего составлял 15,6 %, в 1712 – уже от 60,3 % по одним подрядам до 63,7 % по

другим (общая сумма дохода 48 343 рубля). По царскому же указу прибыль подрядчика не могла превышать 10%. В итоге общая сумма «начета» на Меншикова в 1714 г. вместе со штрафами составила 144 788 рублей. Однако канцелярия В.В. Долгорукова, которая вела следствие по махинациям Меншикова, решила продолжить изучение его дела и обнаружила факты прямого казнокрадства на «фантастическую», как ее охарактеризовал Н.И. Павленко, сумму в 1 018 237 руб. На петербургского генерал-губернатора должен был пасть «начет» в 1 163 025 руб. Меншиков отбивался, говоря, что в 1703–1709 гг. много казенных денег издержал на подкупы при иностранных дворах и для оплаты шпионов, что проверить было невозможно. В итоге считали растраты с 1710 г. и насчитали 324 354 руб. Из этого долга царь велел вернуть в казну 162 177 руб.²³ Все это время Александр Данилович оставался обладателем высоких чинов и должностей, не лишившись их и до кончины императора.

А на эшафоте, как того требовали законы, из видных знатных особ оказался один князь М.П. Гагарин. На его случае стоит остановиться. Интересный материал о князе Гагарине был собран в начале XX в. сибирским краеведом и военным историком Г.Е. Катанавым²⁴, на него мы и будем опираться. Гагарин был стольником еще в регентство Софьи, но и у Петра I долго находился в полном доверии, о чем свидетельствует назначение его Московским комендантом в 1707 г., когда ожидали движения шведов к Москве. Именно в 1707–1709 гг., в период своего фавора у царя, князь стал одним из богатейших людей России, построил роскошные дома в Москве и Петербурге. С 1710 г. фортуна стала отворачиваться от него. Первоначальное фискальное обвинение Нестерова поступило на Гагарина в 1714 г. и сводилось к тому, что князь свои товары и товары близких ему людей продает в Китай под видом государственных и от того имеет большую выгоду и допускает к торговле с Китаем только «своих». Гагарину приказали выслать из Сибири родню и друзей, но не более. Но Нестеров продолжал «копать», и в 1715 г. Гагарин уже был вызван в Петербург для выяснения, почему за 1711 г. из Сибири в бытность его губернатором поступило мало налогов. Но комиссия В.В. Долгорукова оправдала князя, т.к. реально Гагарин был отправлен в Тобольск только в 1712 г. Недоимка за Сибирской губернией числилась большая, и дело по ней велено было продолжать. Назначили новую комиссию. К 1718 г. Гагарин отослал в зачет недоимки более 200 тыс. руб., но по таможенным сборам оставалось еще 300 тыс. Пока шло следствие, в 1715 – начале января 1719 гг. князь продолжал управлять Сибирью.

Документы, отразившие деятельность Гагарина на посту губернатора, рисуют его даровитым и предприимчивым управленцем, настоящим сыном своего времени, не упускавшим случая нарастить и собственное состояние. За время его губернаторства в Тобольске был построен каменный Кремль и обнесен каменной стеной с башнями Малый город. По царскому приказу, князь распоряжался судьбой сосланных в Сибирь шведских пленников. Часть их работала на возведении Кремля, другая была отправлена в Охотск для строительства судов, на которых эти же шведы организовали морское сообщение между Охотском и Камчаткой. По поводу пленников современник камер-юнкер Ф.В. Берхгольц записал в своем «Дневнике», что Гагарин «...делал, как говорят, много добра сосланным туда пленным шведам, для которых в первые три года своего управления истратил будто бы 15 000 рублей собственных денег»²⁵. В 1716 г. по приказу губернатора прорыли канал, соединивший Тобол и Иртыш недалеко от их устья. В начале XVIII в. в Сибири получил распространение промысел «бугровиков», потрошителей скифских курганов. Часть найден-

²³ Павленко Н.И. История Петра Великого... С. 493–494.

²⁴ Катанав Г.Е. Князь Матвей Петрович Гагарин. Сибирь эпохи Петра Великого. Тюмень, 2005.

²⁵ Дневник камер-юнкера Ф.В. Берхгольца. 1721–1725. М., 1902. С. 71.

ных драгоценностей оседала в «кармане» губернатора, часть он отсылал в подарки важным лицам. Сам Петр получил в 1716 г. посылочку золотых вещей весом в 22 кг. В 1717 г. губернатор издал приказ, что все найденные ценности из курганов надлежит сдавать в казну, хотя, бесспорно, часть найденных богатств по-прежнему отходила Гагарину. Но вряд ли хищения Гагарина могли сравниться с размахом казнокрадства петербургского губернатора Меншикова, но обошелся с ним впоследствии царь куда суровее.

В 1718 г. Петр приказал Гагарину прибыть в столицу для участия в суде над царевичем Алексеем, но после находившегося еще под следствием губернатора опять отпустили в Тобольск. Окончательно Гагарин был отставлен от должности и отдан под караул 11 января 1719 г. Прибывший в Тобольск майор Лихарев составил перечень злоупотреблений князя, в который вошли и явно надуманные обвинения, типа предумышленной задержки дипломатической переписки с Китаем и виновности князя в плохой организации экспедиций за границу России в поисках золотых приисков, отчего большая часть участников этой авантюры погибла (идея послать экспедицию исходила от царя).

Завершение долгого дела Гагарина пришлось на 1721 г. В феврале велели пытать слуг Гагарина, дабы подтвердить вины их хозяина, это была формальность, т. к. уже были даны распоряжения о конфискации имений и всего имущества князя. В марте поднимали на дыбу и пытали огнем уже самого бывшего губернатора. По мнению, распространившемуся в Петербурге, свои вины тот отвергал. Берхгольц утверждал, что царь готов был помиловать князя, если он во всем признается. На самом деле сохранилось письмо Гагарина Петру I, где он признает вину и просит его помиловать. В 1718–1720 гг. Гагарин просил о помощи Меншикова и царицу. Вот чего не сделал Гагарин, так это не выдал своих «сообщников и покровителей». Возможно, надеялся, что в последний момент уже на эшафот придет прощение. Такое, в частности, случилось позже с вице-канцлером Шафировым. Палач даже успел ударить топором, но «промахнулся». Тут и зачитали волю императора заменить казнь ссылкой в Сибирь, а по дороге Шафиров был оставлен на жительство в Нижнем Новгороде.

Но публичная казнь князя Гагарина через повешение все-таки состоялась 11 марта 1721 г. в Петербурге на площади перед Юстиц-Коллегией. Потом труп Гагарина провисел более полгода в назидание. По некоторым данным, это исклеванное птицами страшилище перевозили с одной улицы на другую. Склонный к карнавальному клоунаду царь в день казни устроил «поминальный обед» по Гагарину с оркестром и пальбой из пушек, куда обязаны были явиться все родственники казненного.

Камер-юнкер Берхгольц завершает рассказ о Гагарине так: «Он был одним из знатнейших и богатейших вельмож в России; оставшийся после него сын женат на родной дочери вице-канцлера Шафирова. Этот молодой Гагарин теперь далеко не в том положении, в каком был. После смерти отца его разжаловали в матросы, и он лишился также всего состояния, потому что все большие поместья и вообще все имущество его отца были конфискованы. История несчастного Гагарина может для многих служить примером; она показывает всему свету власть царя и строгость его наказаний, которая не отличает знатного от незнатного»²⁶. Имена Гагарина были отданы Петром одному из судивших его Дмитриеву-Мамонову, еще трем высокопоставленным и не утратившим доверия царя людям. Другим сановникам были пожалованы городские дома Гагарина. Показательность и назидательность процесса Гагарина очевидны.

Не совсем понятно только, почему был выбран именно Гагарин, явно радеющий за государево дело. Обычно последнее влекло снисхождение царя, как было с

²⁶ Дневник камер-юнкера Ф.В. Берхгольца... С. 71–73.

Меншиковым, Яковом и Григорием Долгоруковыми, Мусиным-Пушкиным. Последний у царя находился в особым фаворе. Петр завал его «братцем», которому в итоге простил уничтожение трех ящиков документов, представленных обер-фискалом Нестеровым в Сенат для доказательства вин Гагарина. Почему же наказал царь одного Гагарина? Позже ходили слухи, будто тот готовил мятеж, рассчитывая опереться на обласканных им шведов (о чем сообщал в своих «Записках» в середине XIX в. историк П.В. Долгоруков).

Измены, как показало дело царевича Алексея 1718 г., Петр не мог пропустить никому. Фельдмаршал В.В. Долгоруков, разбивший в 1708 г. Булавина, а в Полтавской битве командовавший Преображенским полком, утратил благосклонность царя, когда тот заподозрил его в сочувствии царевичу Алексею. Еще до бегства Алексея в Австрию В.В. Долгоруков сказал ему как-то: «Кабы царица не смягчала государева жестокого нрава, нам бы было жить нельзя: я бы первый изменил»²⁷. К счастью для фельдмаршала, об этой фразе Петр не ведал, но знал, что В.В. Долгоруков обозвал поверившего в прощения царя, вернувшегося в Россию и выдавшего своих помощников царевича «дураком, что повелся на уговоры отца». За это он был отправлен в Соликамск с лишением чинов, откуда был возвращен в 1724 г. по случаю коронации Петром своей второй супруги Екатерины и пожалован в полковники.

Глубоко ошибочно распространенное мнение о ничтожности феномена царевича Алексея, как и трактовка петровского решения о казни царевича лишь собственной Петру жестокостью или неким подражанием столь ценимому им Ивану Грозному. Сам по себе Алексей был, действительно, слабovolной личностью, совершенно не способной стать во главе оппозиции отцу, хотя многие начинания Петра ему не нравились. О «программных» взглядах Алексея известно немного. Забота о народе сводилась у него к наивной фразе: «Мне только здорова была бы чернь», а политические планы будущего, нашептываемые возлюбленной девке-простолодинке Афросинье, сводились к следующему: «Я старых всех (имеется ввиду ближайших помощников отца – *Т.Ч.*) переведу и изберу себе новых по своей воле; буду жить в Москве, а Петербург оставлю простым городом; кораблей держать не буду; войско стану держать только для обороны, а войны ни с кем иметь не хочу: буду довольствоваться старым владением»²⁸. Но в силу своего положения наследника Алексей становился символом, с которым многие связывали надежды. Кроме узкого круга друзей царевича, в высшей социально-политической элите существовала «молчаливая оппозиция» Петру, куда входила часть образованных и успешных «родословных людей» (Голицыны, Куракины, Долгоруковы и др.), а также ряд иноземцев на русской службе и даже некоторые из выдвинутцев Петра «из подлых».

Это не была «партия старины», напротив, это были сановники, которых историки применительно к XVII в. называли «партией западников». Их понимание европеизации было порой глубже часто поверхностного и внешнего подражания Европе у Петра. Им претил образ жизни Петра с его грубыми развлечениями типа свадьбы карликов-шутов, а главное им не нравились методы, темпы, формы и самое существенное – целеполагание петровского курса. По их мнению, правильная государева линия (образцом которой вспоминался курс В.В. Голицына в регентство Софьи) не должна была вести к разорению народа, особенно дворянства, и царь должен был действовать с совета по крайней мере части высшего сословия в лице «умных людей», выдвинувшихся на русский политический Олимп. Собственно таковой являлась политическая практика земской монархии Михаила Федоровича, самодержавие времен Алексея Михайловича Тишайшего и его сына Федора III.

²⁷ Милоков П.Н. *Очерки по истории...* С. 180.

²⁸ Там же. С. 181.

«Молчаливые оппозиционеры» исправно несли службу в петровском генералитете; были среди них дипломаты, придворные, служившие в Сенате, которые надеялись, что, когда наступит время внука Тишайшего царя Алексея II, все будет поправлено. Современник-иностранец, секретарь прусского посольства в России Фоккеродт (Johann Gotthilf Vockerodt), написавший спустя двенадцать лет после кончины Петра I «Записку» с рассказом о деле царевича Алексея, передает разговоры «молчаливых оппозиционеров» с царевичем. «Отец твой хотя и умен, – говорили они ему, – но только людей не знает, а ты умных людей знать будешь лучше»²⁹.

После дела царевича Алексея подозрительность Петра к ближайшему окружению усилилась, потому он и оставил действовать далее организованную в связи с делом царевича Алексея Тайную канцелярию, возглавляемую верным его выдвиженцем из незнатных дворян Петром Толстым, в параллель прежнему органу политического сыска Преображенскому приказу, персонал которого был подобран в свое время знатым Федором Ромодановским, умершим в 1717 г.

Тем временем к 1722 г. фискальская служба, так и не покончившая с коррупцией, но сама, как показали розыски Нестерова, не свободная от мздоимства, разочаровала Петра, и он создал еще один обще-контрольный институт, своего рода противовес фискалам – прокуратуру. Указ 12 января 1722 г. гласил: «Надлежит быть при Сенате Генерал-прокурору и Обер-прокурору, а также во всякой Коллегии по прокурору, которые должны будут рапортовать Генерал-прокурору». О последнем в указе от 27 апреля 1722 г. сообщалось: «...Сей чин – яко око наше и стряпчий о делах государственных». Первым генералом-прокурором стал П.И. Ягужинский, начавший службу пажом Ф.А. Головина, с 1701 г. – преобразенец и денщик Петра I, который открыл в нем талант дипломата. Обер-прокурором Синода назначили Г.Г. Скорнякова-Писарева.

Первым крупным расследованием Ягужинского стало дело обер-фискала Нестерова. Тот был арестован в ноябре 1722 г. Сначала на него дал показания с пытки, возможно и ложные, ярославский провинциал-фискал Савва Попцов, который утверждал, что вынужден был регулярно отсылать начальнику взятки. Потом появились и документальные подтверждения мздоимства обер-фискала. Так, за помощь в назначении Лариона Воронцова воеводой в Сибирь обер-фискал взял 500 руб. По такой же таксе платили за кабацкие откупа и т.д. К концу расследования получалось, что Нестеров нанес ущерб казне на 300 тыс. руб. Петр негодовал. Попцова, Нестерова и нескольких еще фискалов жестоко пытали. В январе 1724 г. все они были казнены. Бывшего обер-фискала Нестерова колесовали (этот вид мучительной казни прежде не был известен в Московском царстве и был «завезен» Петром из Западной Европы).

Нестеров пал скорее всего жертвой перераспределения ролей между контрольными ведомствами и игры против него обиженных вельмож. Вскоре в результате борьбы различных «кланов» в элите был сослан вице-канцлер Петр Шафиров. Понятно, что в обоих случаях, как и в деле Гагарина, обвинения в коррупции были лишь поводом к устранению «проигравших» и «спектаклем устрашения» со стороны верховной власти. Процессы эти саму коррупцию ни сколько не уменьшали.

Почему столь решительный и скорый на расправы Петр I, издавший 392 указа о борьбе с коррупцией, был на деле непоследователен в борьбе с чиновным произволом, взятками и даже с казнокрадством?

На наш взгляд, дело в том, что взятки, казнокрадство и прочие служебные злоупотребления являлись к началу XVIII в. частью служебного обычая (или служебной культуры), сформировавшейся еще в пору Московского вотчинного госу-

²⁹ Милуков П.Н. *Очерки по истории...* С. 180.

дарства XVI–XVII вв. Возникли означенные преступления задолго до первой их фиксации Судебником 1550 г. и Соборным уложением 1649 г. Оба законодательных памятника грозили смертной казнью всем казнокрадам и взяточникам. Но еще до них в челобитных государю Ивану III в конце XV в. писали с мест, что его наместники действуют «аки волки алчные». Однако центральная власть смотрела на подобное «сквозь пальцы» ибо понимала, что бедность Казны не способна по достоинству оплачивать труд ее служилых людей, особенно в провинции. Служба наместников была «корыстной», они не получали за нее ни жалования, ни дополнительных земельных дач, но сидели на «кормлении» (старомосковские служебные термины очень говорящие). Воевода в праве был получить законные подношения при въезде и выезде, в его пользу шел и судебный прикуп, особый налог с проводимых им судебных разбирательств. Последнее создавало прекрасную почву для возникновения «носов» и произвола. Центральная власть полагала, что то, что не дала она, ее «агент» вправе взять с людей. Мало оплачиваемый приказной штат центрального аппарата имел свои неформальные преференции, из практики которых в фольклор вливались крылатые поговорки («тянуть волокиту», «уйти с носом», «брат не по чину», «жалует царь, но не жалует псарь»).

По мере развития товарно-денежных отношений и перевода приказных и ряда служилых (например, после 1653 г. большей части иностранных офицеров) на денежное и кормовое жалование «антикультура» побора и злоупотреблений несколько не уменьшилась, особенно в отношении высокопоставленных вельмож, о чем свидетельствуют предыстория Соляного бунта 1648 г., многочисленных городских восстаний середины XVII в., Медного бунта 1662 г., стрелецкие обиды на произвол начальников второй половины XVII в. О коррупции в среде «псарей» есть трагическое свидетельство из «Дневника генерала Патрика Гордона». Этот шотландец поступил на русскую службу капитаном в начале 1660-х гг. и какое-то время не мог получить свое первое достаточно высокое жалование от дьяка, несмотря ни на царский указ, ни на вмешательство боярина, главы Иноземского приказа, который дважды самолично и показательно избивал дьяка на глазах шотландца, пока иноземцы старого выезда не объяснили Патрику, что дьяку просто следует дать небольшой «нос», неформально воспринимаемый здесь всеми как норму. Гордон так и поступил и сразу получил свое жалование.

Судя по документам фискальской службы, коррупция в петровское время только возросла. Отчасти, это было продолжением старой служебной привычки и тяги к «воле», отчасти – следствием «забывчивости» государства вовремя платить жалование, но отчасти провоцировалось и самим Петром, прощавшим тех, кто, судя по запискам современников, проявлял личную преданность императору.

Но главное было в том, что для России XVII–XVIII вв. коррупция стала одним из системообразующих механизмов поддержания лояльности служилой элиты. Коррупция позволяла «вознаградить» и не за государственный счет «нужных» самодержцу управленцев и любимцев, и в то же время монарх мог в любой момент «дернуть за крючок» и осадить «зарвавшегося», ставшего чрезмерно самостоятельным, дерзнувшего манипулировать царским доверием, не говоря уже о нелояльных или показавшихся таковыми.

Дразги между старой и новой знатью, а также внутри «служилых кланов», бюрократических «партий» привели к тому, что доносы о взятках, казнокрадстве и неуказном произволе стали одним из главных методов карьерной борьбы. Мы не видим попыток Петра обуздать эту «войну» между его сподвижниками, потому что это позволяло российской абсолютной монархии еще больше держать под своим контролем политическую элиту.

Выводы

Взятки, произвол, казнокрадство и «грызня» внутри элиты играли в XVIII в. ту же роль, что прежде местничество. Став частью системы взаимодействия царя и служилой элиты, эти «постоянные» оказались для поверхностно европеизированного, но внутри по-прежнему вотчинного государства Петра I способом поддержания господства царской воли над официальным законом, бюрократами и военными чинами, способом воспитания их преданности и заинтересованности в службе.

Без этого, как без прямого усиления крепостничества в отношении тяглых условий, петровский апогей старого российского самодержавия был бы невозможен. В целом социальная политика Петра I не вела к разрушению основы социокультурного вотчинного уклада, свойственного Московскому государству в XV–XVII вв. При этом стоит отметить, что модернизация науки, высокого искусства, образования элиты открывала путь для формирования предпосылок модернизации в иных сферах русской жизни, что и произошло, но уже после кончины Петра I.

Поступила в редакцию / Received: 10.03.2020.

Библиографический список

- Анисимов Е.В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 331 с.
- Анисимов Е.В.* Миф Великой Виктории: Полтава в русском сознании и коллективной памяти // Родина. № 7. 2009. С. 50–55.
- Анисимов Е.В.* Петр Великий личность и реформа. СПб: Питер, 2009. 446 с.
- Богданов А.П.* Несостоявшийся император Федор Алексеевич. М.: Вече, 2009. 340 с.
- Бусева-Давыдова И.Л.* Культура и искусство в эпоху перемен: Россия XVII столетия. М.: Индрик, 2008. 364 с.
- Гилленкрок А.* Современные сказания о походе Карла XII в Россию // Военный журнал. 1844. № 6. С. 69–70.
- Дергачева И.В.* «Лекарство душевное» как памятник религиозной антропологической литературы // Человек между царством и империей. М.: Институт человека РАН, 2003. С. 379–389.
- Зимин А.А.* Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. М.: Мысль, 1991. 230 с.
- Кавелин К.Д.* Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории. М.: Правда, 1989. 656 с.
- Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII в. Опыт целостного анализа. СПб.: Наука, 2029. 670 с.
- Катанаев Г.Е.* Князь Матвей Петрович Гагарин. Сибирь эпохи Петра Великого. Тюмень: Мандр и Ка, 2005. 208 с.
- Кошелева О.Е., Наседкин Е.Н.* Феномен реформ в XVII столетии в России и их интерпретация в XVIII веке // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.) / под ред. М.М. Крома и Л.А. Пименовой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2013. С. 179–191.
- Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М.: Мысль, 1985. 279 с.
- Ключевский В.О.* Лекции XXXVIII, XL. Курс русской истории. Ч. II // Сочинения в 9-ти томах. М.: Мысль, 1988. С. 308–327, 347–373.
- Кириллов И.К.* Цветущее состояние всероссийского государства. М.: Наука, 1977. 443 с.
- Лубский Р.А.* Российская государственность как предмет концептуального мышления // Философия права. 2014. № 6. С. 9–13.
- Милоков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Т. 3. Национализм и европеизм. М.: «Прогресс», «Культура», Редакция газеты «Труд», 1995. 480 с.
- Мининкова Л.В.* Теория вотчинного государства и особенности русской истории // Новое прошлое. 2018. № 3. С. 104–119.
- Ермолаев И.П.* Становления Российского самодержавия. Истоки и условия его формирования: взгляд на проблему. Казань: Изд-во Казанского университета, 2004. 393 с.
- Павленко Н.И.* Петр Первый и его время. М.: Просвещение, 1983. 222 с.
- Павленко Н.И.* История Петра Великого. М.: Вече, 2006. 350 с.

- Серов Д.О. Фискальная служба и прокуратура России первой трети XVIII в. Екатеринбург: Уральский государственный университет, 2010. 25 с.
- Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М.: Госполитиздат, 1941. 642 с.
- Цимбаев Н.И. Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века). М.: МГУ, 1986.
- Черникова Т.В. Парадоксы петровской европеизации // Новая и новейшая история. 2018. № 5. С. 3–22.
- Черникова Т.В. Россия и Европа. «Век новшеств». XVII в. М.: «Академический проект», Издательство «Культура», 2019. 665 с.
- Шарф К. Монархия, основанная на законе, вместо деспотии: Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М.: РОССПЭН, 2008. С. 9–45.
- Шафиров П. П. Рассуждение, какие законные причины его Царское Величество Петр Первый, царь и повелитель всероссийский, ... к начатию войны против короля Карола 12, шведского 1700 году имел... СПб.: [Б.и.], 1717. 128 с.
- Эйдельман Н.Я. Петровский период // Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России. М.: Изд-во «Книга», 1989. С. 68–73.
- Chernikova T.V. New world outlook in the light of the westernization of Peter I // MGIMO University Bulletin. 2018. № 2. С. 7–25.
- Kamenskii A.B., Griffiths D. The Russian Empire in the Eighteenth Century: Searching for a Place in the World. Armonk, New York, London: M.E. Sharpe, 1997. 307 p.
- Košeleva O.E. La Storiographia Russa Moderna sull'epoca pre-petrina (secolo XVII): problemi, metodi, orientamenti // Acme. 2015. № 1. P. 83–98. DOI: <http://dx.doi.org/10.13130/2282-0035/5137>.
- Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. N. Haven; L.: Yale Univ. Press, 1998. 640 p.
- Zhivov V.M. Notes on Byzantine Culture in Early Modern Russia // Russia medievalis. München: Wilhelm Fink, 2001. P. 325–344.

References

- Anisimov, Ye.V. *Gosudarstvennyye preobrazovaniya i samoderzhaviye Petra Velikogo*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 1997 (in Russian).
- Anisimov, Ye.V. “The Myth of Great Victoria: Poltava in Russian consciousness and collective memory.” *Rodina*, no. 7 (2009): 50–55 (in Russian).
- Anisimov, Ye.V. *Potr Velikiy lichnost' i reforma*. St. Petersburg: Piter Publ., 2009 (in Russian). Bogdanov, A.P. *Nesostoyavshiyasya imperator Fedor Alekseyevich*. Moscow: Veche Publ., 2009 (in Russian).
- Buseva-Davydova, I.L. *Kul'tura i iskusstvo v epokhu peremen: Rossiya XVII stoletiya*. Moscow: Indrik Publ., 2008 (in Russian).
- Dergacheva, I.V. “‘Lekarstvo dushevnoye’ kak pamyatnik religioznoy antropologicheskoy literatury.” In *Chelovek mezhdru tsarstvom i imperiyey*, 379–389. Moscow: Institut cheloveka RAN Publ., 2003 (in Russian).
- Chernikova, T.V. “New world outlook in the light of the westernization of Peter I.” *MGIMO University Bulletin*, no. 2 (2018): 7–25.
- Chernikova, T.V. “Paradoxes of Peter's Europeanization.” *New and Recent History*, no. 5 (2018): 3–22.
- Chernikova, T.V. *Rossiya i Yevropa. «Vek novshestv»*. Moscow: Akademicheskii proyekt Publ., Kul'tura Publ., 2019 (in Russian).
- Gillenkrok, A. “Sovremennyye skazaniya o pokhode Karla XII v Rossiyu.” *Voyennyy zhurnal*, no. 6 (1844): 69–70 (in Russian).
- Eydel'man, N.Ya. “Petrovskiy period.” In Eydel'man N.Ya. *‘Revolyutsiya sverkhru’ v Rossii*, 68–73. Moscow: Kniga Publ., 1989 (in Russian).
- Kavelin, K.D. *Nash umstvennyy stroy. Stat'i po filosofii russkoy istorii*. Moscow: Pravda Publ., 1989 (in Russian).
- Kamenskii, A.B. *Ot Petra I do Pavla I: reformy v Rossii XVIII v. Opyt tselostnogo analiza*. St. Petersburg: Nauka Publ., 2019 (in Russian).
- Katanayev, G.Ye. *Knyaz' Matvey Petrovich Gagarin. Sibir' epokhi Petra Velikogo*. Tyumen': Mandr i Ko Publ., 2005 (in Russian).
- Košeleva, O.Ye. “Nasedkin Ye.N. Fenomen reform v XVII stoletii v Rossii i ikh interpretatsiya v XVIII veke.” In *Fenomen reform na zapade i vostokeyevropy v nachale Novogo vremeni (XVI–XVIII vv.)*, 179–191. St. Petersburg: Yevrop. un-t Publ., 2013 (in Russian).
- Kobrin, V.B. *Vlast' i sobstvennost' v srednevekovoy Rossii (XV–XVI vv.)*. Moscow: Mysl' Publ., 1985 (in Russian).

- Klyuchevskiy, V.O. "Lektsii XXXVIII, XL. Kurs russkoy istorii." In *Sochineniya v 9-ti tomakh*, 308–327, 347–373. Moscow: Mysl' Publ., 1988 (in Russian).
- Kirillov, I.K. *Tsvetushcheye sostoyaniye vserossiyskogo gosudarstva*. Moscow: Nauka Publ., 1977 (in Russian).
- Lubskiy, R.A. "Russian statehood as a subject of conceptual thinking." *Philosophy of Law*, no. 6 (2014): 9–13 (in Russian).
- Milyukov, P.N. *Ocherki po istorii russkoy kul'tury. Natsionalizm i yevropeizm*. Moscow: «Progress» Publ., «Kul'tura» Publ., Redaktsiya gazety «Trud» Publ., 1995 (in Russian).
- Mininkova, L.V. "The theory of the patrimonial state and features of Russian history." *A New Past*, no. 3 (2018): 104–119 (in Russian).
- Rubinshteyn, N.L. *Russkaya istoriografiya*. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1941 (in Russian)
- Pavlenko, N.I. *Petr Pervyy i yego vremya*. Moscow: Prosveshcheniye Publ., 1983 (in Russian).
- Pavlenko, N.I. *Istoriya Petra Velikogo*. Moscow: Veche Publ., 2006 (in Russian).
- Sharf, K. "Monarkhiya, osnovannaya na zakone, vmesto despotii: Transfer i adaptatsiya yevropeyskikh idey i evolyutsiya vozzreniy na gosudarstvo v Rossii v epokhu Prosveshcheniya." In *«Vvodya nray i obychai Yevropeyskiye v Yevropeyskom narode»: K probleme adaptatsii zapadnykh idey i praktik v Rossiyskoy imperii*, 9–45. Moscow: ROSSPEN Publ., 2008 (in Russian).
- Shafirov, P.P. *Rassuzhdeniye, kakiye zakonnyye prichiny yego Tsarskoye Velichestvo Petr Pervyy, tsar' i povelitel' vserossiyskiy, ... k nachatiyu voyny protiv korolya Karola 12, shvedskogo 1700 godu imel...* St. Petesburg: [B.i.], 2017 (in Russian).
- Serov, D.O. *Fiskal'naya sluzhba i prokuratura Rossii pervoy treti XVIII v.* Yekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2010 (in Russian).
- Tsimbayev, N.I. *Slavyanofil'stvo (iz istorii russkoy obshchestvenno-politicheskoy mysli XIX veka)*. Moscow: MGU Publ., 1986 (in Russian).
- Yermolayev, I.P. *Stanovleniya Rossiyskogo samoderzhaviya. Istoki i usloviya yego formirovaniya: vzglyad na problemu*. Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta Publ., 2004 (in Russian).
- Zhivov, V.M. "Notes on Byzantine Culture in Early Modern Russia." In *Russia medievalis*, 325–344. München: Wilhelm Fink, 2001.
- Zimin, A.A. *Vityaz' na rasput'ye. Feodal'naya voyna v Rossii XV v.* Moscow: Mysl' Publ., 1991 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Черникова Татьяна Васильевна, доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД Российской Федерации.

Taniana V. Chernikova, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor of the Department of World and Domestic History, Moscow State Institute of International Relations (University) of Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.